

Орлова Е.А. (науч. рук. Акаткин В.М.)

Традиционная жизнь русских крестьян в произведениях

А.И.Эртеля.

На протяжении всего творчества А.И. Эртеля мы можем увидеть постоянный интерес писателя к крестьянскому миру. Интерес этот всесторонний и касается различных областей народной жизни. Это и нравственные устои, это и быт, культура. Постоянно соприкасаясь с крестьянством, А.И. Эртель не мог не обратить внимание на особенности народного мироустройства. В архиве писателя сохранилось множество материалов, собранных им не только в Воронежской губернии, но и в других регионах страны. Продолжая дело своих предшественников — воронежских фольклористов и писателей, таких как А.Н. Афанасьев, И. С. Никитин, А. Кольцов— А.И. Эртель целенаправленно записывал различные произведения устного народного творчества. Большая часть собранных материалов была использована им в литературных произведениях.

Творчество А.И. Эртеля пришлось на переходный период. Зарождение новых отношений, новых условий жизни отразилось не только на экономических отношениях, но и на духовной жизни крестьян и их быте. Проблема сохранения традиционного уклада жизни русской деревни в конце XIX века становится одной из главных в творчестве А.И. Эртеля, что обусловлено предметом изображения, ведь главным героем всех произведений писателя стал крестьянин, его отношение к жизни, его трудности, его надежды.

Понятие «традиция» для А.И. Эртеля включает в себя прежде всего исконный способ бытия, обычаи, сохраняющиеся на протяжении многих поколений. Уважение, почтительное отношение к вековым

устоям, несмотря на происходящие изменения в жизни, остается. Традиционный экономический уклад, традиционное ведение хозяйства, упорядоченный быт, отношения в семье, праздники, развлечения, и даже сам облик человека — всё это дает нам полное представление о том, от чего отказывалось общество конца XIX века, переживая масштабные перемены. Попытаемся же проследить основные мотивы, фиксирующие традицию в произведениях А.И. Эргеля.

«Община — в экономической жизни, песня и сказка — в бытовой, обычай — в юридической, — вот вехи, по которым долженствовало направиться этому развитию (т.е., развитию общества)», (78) — говорит Тутолмин, главный герой повести «Волхонская барышня».

Община на протяжении долгого времени являлась основным способом хозяйствования в русской деревне. Она позволяла крестьянам совместными усилиями противостоять различным бедам и неприятностям, будь то в экономической или же в бытовой сфере деятельности. *«Беда ли какая навалится — весь мир стерпит ее, бедуют, сообщча...»*. (2, 68)

Основной принцип подобного мироустройства высказывает Тимофей, герой рассказа «Из одного корня» — *«чтоб сообщча, по правде, по-божьему... к примеру — всем чтоб вдосталь, без обиды...»*. (1, 69) Общинный уклад в течение многих веков выработал особые «общинные инстинкты»: *«дружность», стойкость, сочувствие к своему брату — мирскому человеку»*. (1, 68) По сути дела община, или «мир», как её обозначали сами крестьяне — не только уклад общественной и экономической жизни, это ещё и особое отношение друг к другу внутри этого сообщества. Одна большая семья, живущая по общим законам, позволяла крестьянам решать не только

экономические проблемы. *«А почему?.. Дружно все!.. Всем миром... Опять рекруты, аль оброк, аль баловство какое, — ну, проворуется там кто аль еще как сбедокурит, — мир все рассудит... никого не обидит...»* (1, 69)

Совместный труд позволял старшему поколению оставить своим потомкам крепкое хозяйство, которое впоследствии помогала выбираться из житейских неурядиц, а также приумножать богатство следующим поколениям. *«Мы ещё отцовским нажитьем сыты»*, (2, 37) — говорит Андреян Семеныч, объясняя свой достаток.

Община определяла и главный орган управления. Сход для А.И. Эртеля основной элемент традиционной деревни. Яркую картину мы можем наблюдать в романе «Гарденины». Главную роль здесь играют самые старые и уважаемые жители деревни. В первую очередь слово предоставлялось старшему поколению, затем уже молодому. Даже размещение на сходе крестьян осуществлялось по тому же принципу. Впереди садились «сивобородые» старики, за ними усаживались мужики помоложе, а дальше уже стояли все остальные в строгом соответствии с возрастом.

Специфика общественного порядка наложила отпечаток и на крестьянский быт. Традицией было обусловлено и обустройство дома, и ведение домашнего хозяйства, и отношения в семье.

Такое хозяйство мы видим в рассказе «Под шум вьюги» у Андреяна Семеныча. Батурич попадает в его дом. *«Это была просторная сосновая изба, чистая, теплая, с деревянным полом, с «белую» печкою»*. (2, 34) На столе традиционный каравай хлеба с солью, с палатей выглядывали русые головки детей. Все это лишь подчеркивает традиционность образа самого хозяина. *«Это был высокий, статный мужик, с красивым открытым лицом, с большой*

русой бородой. Сильная проседь серебрилась у него в волосах; серые глаза глядели умно и насмешливо... По тонким губам бродила какая-то подмигивающее бодрая, слегка лукавая усмешка...». (2, 34)

Подобные герои встретятся ещё не раз на страницах произведений А.И. Эртеля. Близким к образу Андреяна Семеныча является образ старосты Веденя («Гарденины»). Отношения в семействе Веденя отличаются типичным патриархальным складом. Слово Веденя, как главы семьи, было законом. В манере традиционного управления хозяйством и семьёй, как это было принято у старосты, много привлекательного для писателя. Именно благодаря такому отношению ко всем явлениям жизни, складывавшемуся на протяжении многих веков, выработывавшемуся многими поколениями крестьян, у Веденя крепкое и богатое хозяйство. Все постройки прочные и аккуратные: рига, амбар с лужком перед ним, отлично прибранный стог сена, все орудия труда чистые, стоят под навесом, *«всё веселило глаз чистотою, прочностью и хозяйственным порядком»*. (6, 198) И писатель вместе с Веденеем любит двором: *«Эдакая у меня строгость да аккуратность в дому... Ну-ка, у кого теперь так-то прибрано, вывершено, подметено... Так-то крепко да уёмисто?»* (6, 198)

Мокей Коняхин предстаёт перед читателем как оплот традиций, как образцовый крестьянин. Впрочем, Иван Петрович Мансуров, а впоследствии и Пётр Иванович, его сын, показывали его гостям как своего «образцового мужика Мокея». *«Сутуловатый мужик Мокей, настолько прилепившийся к кормилице-земле, что и сам стал походить на неё цветом своего тела, и настолько возлюбивший земледельческий труд, что казался сплошным мозодем, - этот мужик Мокей обыкновенно представал господам во главе трёх молодцов-сыновей, двух ядрёных снох и в сообществе своей жены, тихонькой и*

привлекательной старушки...» (3, 89) Именно такой мы видим семью в сказке, где всегда есть отец, мать, трое сыновей; только такой семья была в представлении народа на протяжении многих веков.

Традиционным занятием крестьян было земледелие. Трудолюбивый народ уподобляется у писателя пчелам. *«Там и сям, — у скирдов, около омётов соломы, в амбарах и по всем сторонам риги, — подобно пчелам копошился народ».* (1, 82) Для крестьянства такой труд всегда в радость, поэтому в работе ни на минуту не умолкает говор и смех. Особая ловкость в работе вызывает восхищение автора.

В повседневной жизни и в праздники крестьяне А.И. Эртеля одеты в традиционные костюмы. Полного описания мы не увидим, но в повествовании мы то и дело встречаем названия одежды: *«белые рубахи и шушпаны, цветные платки и юбки...»*, кички, завески, в качестве традиционной мужской одежды наиболее часто фигурирует *портки, рубаха и лапти*, а зимой *зипун* либо *тулуп* и *шапка-треух*. В рассказе «Визгуновская экономия» яркое многоцветье русских костюмов подчеркивает праздничность, красоту крестьянского труда. В «Идиллии» подобное же описание называется *«яркой безвкусицей одежд»* (1, 192), а съехавшая кичка с головы бабы, пытавшейся утащить мужа из кабака, только подчеркивает комизм ситуации.

Особый интерес вызывает у писателя религиозные представления крестьянства, где своеобразно переплетаются языческие и христианские верования. Отголоски язычества мы слышим в вере некоего Макарки, что солнце на ночь в лунки прячется. Далее образ уточняется. Оказывается, что *«за морем лунки накопаны, одна подле другой, и на закате, и на восходе... Вот в эти лунки солнце и хоронится на ночь».* (1, 163-164) Для учителя Серафима Ежикова, рассказывающего об мужике, подобная вера является свидетельством

неграмотности, необразованности этого слоя населения. Между тем в этом представлении можно увидеть особую красоту устройства мира.

В «Гардениных» А.И. Эртель отразил некоторые суеверные представления крестьянства. Различные негативные события в представлении крестьян являются делом рук нечистой силы. Холеру, пришедшую из города, представляется женщиной *«без носа, понурой, в чёрном»* (6, 243), нового конюха Цыгана впоследствии считают колдуном, а женщину, с которой он жил — ведьмой. Смена управляющего в имении Гардениных сопровождается появлением мертвеца, бывшего конюшего, которого видели *«своими глазами», «будто мертвец ходил в манеже...»* (6, 365)

Не раз рассказывает А.И. Эртель и о народных праздниках. Большой частью это только упоминание «успения», «прощеного» дня в разговоре героев. Из подобных реплик мы можем понять, что для крестьянина более естественно ориентироваться во времени с помощью таких вех как праздники.

Наиболее часто упоминается праздник масленицы. Действие нескольких рассказов происходит во время этого праздника. В рассказе «Под шум вьюги» мы не увидим полной картины празднования, но уже упоминание «прощеного» дня - последнего дня масленицы – в самом начале рассказа позволяет читателю правильно понять настроение главного героя произведения. *«Дела не было; из знакомых приехать было некому: кто отправился к празднику, — был последний день масленицы, «прощеный» день, — кто сидел дома, в кругу семьи»* (1. 26). Особое состояние одинокого человека в праздник подвигает героя на дальнейшие действия и служит завязкой сюжета рассказа. Случайно попав в дом Андреяна Семеныча, Батурин слышит,

что его сын с женой отправились к теще: *«Да он с женою пошел прощаться к теще... Должно, гостюют»*. (1, 35)

Более полную, на иную по характеру картину масленичного разгула мы можем наблюдать в «Идиллии». Первое что слышит герой в селе, праздновавшем масленицу, оказывается *«беспорядочный масленичный гул<...> При въезде в село этот гул оказался просто оглушительным»* (1, 192). Именно таким гулом, нестройным, надоедливым, раздражающим звуком слышится герою звуки народного гуляния. Праздник воспринимается автором с отрицательной стороны. Он слышит не смех и веселье, а *«песни, крики, нестройные разговоры, хриплую ругань, лягз кнутов, звон бубенчиков, отчаяннейший визг гармоник»* (1, 192), переполнявших *«воздух каким-то сплошным завывающим стоном»* (1, 192). Пьяная удаль, крики, драки, ругань — всё это дает представление об авторском отношении к подобной картине. Между тем, подобная картина разгула дает нам возможность предположить, что действие происходит в «широкий» четверг — самый разгульный, самый веселый день масленой недели. Многие этнографы указывают на то, что в этот день гуляли с особым размахом. А.А. Коринфский даже приводит несколько пословиц по этому поводу: *«Неделю пируешь, семь опохмеляешься. Пили на Масленице, с похмелья ломало на Радуницу»* (12, 152).

В «широкий» четверг также проходили кулачные бои: *«там два кулачные бойца, в разодранных рубахах, с рукавами, засученными до локтей, усердно сворачивали друг другу скулы и, обливаясь кровью, лезли друг на друга, как иступлённые. И вокруг них радостно гоготали и подзадоривали зрители»* (1, 193).

Главным развлечением молодежи в будние дни являлись «вечерушки». Девки и парни собираются у вдовы-солдатки Малашки. Начало «вечерушек» девки проводят за работой «*девки, <...>распевая какую-то бесконечную песню, чинно сидели вокруг стола. Все занимались работой: кто шил, кто вязал варежки или чулки, кто мотал пряжу...*» (1, 94) Работу оставили лишь после ужина, «*скоро послышались шутки, зазвенел смех...*» (1, 94). Традиционно на «вечерушках» игрались песни. Традиционные песни обычно исполняют герои, имеющие особую привлекательность в глазах автора. Новыми песнями автор подчеркивает комичность образа. Таков «романец», исполненный купеческим приказчиком из Коломны, это был «*толстый краснорожий краснобай с сладкими ужимочками и кудрявой речью*». Фигура эта глубоко несимпатична А.И. Эртелю, и сатирический эффект в её изображении возрастает при передаче манеры исполнения им «романца» «*Выхожу один я на дорогу*»: «*он пел, или лучше сказать, визжал истошным бабым голосом, выделявая с нечеловеческими усилиями поразительнейшие фиоритуры...*» (1, 95). В искажённый текст Эртель ввел слова лишаящие песню простоты и искренности, и ко всему прочему полностью обесмысливающие её:

*Выхожу один я на дорогу,
Предо мной, мы скажем, путь блестит,
И пустынник славит бога,
И с звёздами, скажем, говорит.*

Тексты «охо-хо-шек», господствующих на «вечерушках», даны Эртелем в «*Идиллии*» при описании празднования масленицы в Красном Яре. Веселье у попа, в кабаке озвучено именно этими припевками, а картина их исполнения по истине отталкивающая: их не

пели, а «орали во всю мочь», перед толпой девок «ломались две бабёнки, неистово потрясая платками и как-то неестественно выворачивая груди» (1, 197).

<i>Охо-хошешеники, хохоишки,</i>	<i>Хоть в монашках жить я буду,</i>
<i>Надоели нам картошки...</i>	<i>Миколашку не забуду...</i>
<i>Нам картошечки приелись,</i>	<i>Вы подайте стакан чаю -</i>
<i>Ребятенки пригляделись...</i>	<i>Я по миленьком скучаю...</i>
<i>Охо-хо-хо, охohoишки,</i>	<i>Вы подайте стакан рому -</i>
<i>Отходились мои ножки</i>	<i>Я скучаю по иному...</i>
<i>По Красн-Ярской дорожке...</i>	<i>Вы подайте папирску -</i>
<i>Вы скажите Миколашке -</i>	<i>Я вспомню про Федоску...</i>
<i>Записалась я в монашки</i>	<i>Охо-хо-хо... (1, 197-198)</i>

Особое значение придает автор традиционным песням. Как уже упоминалось, подобные песни всегда исполняют герои неординарные, имеющие свою притягательность для писателя. Так «старинскую» песню поет Ульяна («Визгуновская экономия»). Образ этой девушки особенно симпатичен автору. Ульяна очень красива: узкие черные брови, блестящие темные строгие глаза, длинная темная коса. Это цельная натура, и автор неоднократно подчеркивает такую черту её характера, как гордость, что проявляется даже во внешнем облике. Ульяна хороша и в работе, ей ничего не стоит ловко поднять на носилку «добрую копну соломы»(1, 86). Песня, которую она поет, трогает душу, а манера исполнения подчеркивает искренность выражаемых чувств: «Ульяна медлительно подняла голову, лениво обвела нас каким-то тупым и тяжелым взглядом, криво и болезненно усмехнулась и вдруг... прозвенел какой-то странный, слабый и тоскливый звук. <...> С ощущением невыразимой муки, она

стремительно охватила руками голову и каким-то нервно-звенящим, беспрестанно обрывающимся и падающим голосом протянула:

Эх... надоели... вы мне, ночи!.. надоскучили...

Другие подхватили и полилася песня, горькая и унылая...» (1, 96).

Унылая «бесконечная песня» сопровождает раздумья героя о безвременной кончине этой удивительной девушки:

Ивушка, ивушка, зеленая моя...

Что же ты, ивушка, не зелена стоишь?

Или те, ивушку, солнышком печет?

Солнышком печет, частым дождичком сечет?

Срубили ивушку под самый корешок,

Стали они ивушку потесывати... (1, 109)

В сознании Батурина образ девушки сливается с образом дерева ивушки также безременно загубленным.

Традиционная лирическая песня сопровождает жизнь крестьянства.
«...Ямщик, лениво помахивает кнутом и, чуть слышно, мурлычет:

Не белы-то снежки во поле забелелися» (1, 71).

Особо следует обратить внимание на лексику, употребляемую автором при описании исполнения той или иной песни. Новые песни «орут во всю мочь», «визжат нечеловеческим голосом», тогда как исполнение старинных песен связано с глаголом «тянуть»: «тянули», «затянули», «протянули», что на наш взгляд особенно точно выражает специфику протяжной песни в южнорусских губерниях. Плясовые песни связаны в восприятии писателя со светлыми веселыми тонами. Эти песни «шаловливо звенят» (1, 70):

Уж вы, гусли, не гудите,

Молодицу не будите...

Ай, люли-люли, не будите!..

Эх, люли-люли, не будите!..

Молодушка спит с похмелья

Под калиновым кусточком...

Ай, люли-люли, под кусточком...

По наблюдению героя (Батурина), в родной ему степной стороне не поют «тех исторических песен, которыми славится Поволжье». Житель степной стороны не помнит ни Стеньки Разина, ни Ермака Тимофеевича. В его песнях и помину нет «ни о Владимире Красном Солнышке с его сильно-могучими богатырями... ни о понизовой вольнице с её атаманами и удалыми есаулами, разъезжающими в разукрашенных косных лодочках вдоль по матушке по Волге». Между тем есть особая красота в южнорусских песнях, о которой не раз говорится в произведениях писателя.

Подводя итог нашим наблюдениям, следует отметить, что А.И. Эртеля отличает частое обращение к культурному наследию нашего народа. Не раз отмечалось многими исследователями, что он особенно любит и хорошо знает русский фольклор. Использование этого материала помогает писателю создать особенно яркую картину места и времени действия, а также законченный образ различных героев. Следует также сказать, что писатель вкладывает произведения фольклора не только в уста персонажей из крестьянской среды. Каждому герою соответствует свой пласт устного народного творчества.

Использованная литература.

1. *Эртель А.И.* Записки степняка. Избранные рассказы и очерки/ Подгот. текста и вступ. статья М. Сергеенко. — Воронеж: Обл.кн. изд-во, 1949. —262 с.

2. *Эртель А.И.* Записки степняка. Избранные рассказы и очерки/ Подгот. текста и вступ. статья М. Сергеевко. — Воронеж: Обл.кн. изд-во, 1958. — 365 с.
3. *Эртель А.И.* Волхонская барышня; Смена; Карьера Струкова./ Послесловие Г.А. Терентьева; Подгот. текста и комментарии Г.В. Ермаковой-Битнер. — М.—Л.: Госполитиздат (ленингр. отд.), 1959. — 824 с.
4. *Эртель А.И.* Волхонская барышня: Повести/ Сост., автор вступ. Статьи и примечаний К. Ломунов. — М.: Современник, 1984. — 495 с.
5. *Эртель А.И.* Повести, рассказы. «Отчий край» – Воронеж: Центр.-Черноземное кн. Изд-во, 1984. — 319 с.
6. *Эртель А.И.* Гарденины./ Вступ. Ст. В. Кузнецова. — М.: Правда, 1988. — 560 с.
7. *Архангельская В.К.* А.И. Эртель – фольклорист. — В кн.: Вопросы литературы и фольклора. Воронеж, 1972, с. 145-160.
8. *Архангельская В.К.* Народническая беллетристика// Русская литература и фольклор (конец XIX в.) — Л., 1987. — С. 194-274.
9. *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1994.
10. *Громыко М.М.* Мир русской деревни. М., 1991.
11. *Круглый год.* / Сост., вступ. ст. и прим. А.Ф. Некрыловой. М., 1991.
12. *Коринфский А.А.* Народная Русь. Смоленск, 1995.